

Сэр Улыбатор

Он пришёл, чтобы открывать. Он пришёл с другой стороны, таща за собою Предтеч - предвестников извечных перемен. Всего их вместе было четверо, как существуют четыре стороны света или четыре алхимических начала. Мир его был подобен великолепным колоннам, высоким башням, и там всегда бесподобно сияло нестерпимым светом пронзительное небо высоких гор. Оно слепило и, казалось, в каждом в отблеске его, как кварцевом блике осколка кристаллического хрусталя, можно было разглядеть всю сущность того гиперпространственного слоя, который некогда избрал своим домом Сэр. Там, на продолговатых башнях титанических размеров, масштабных башнях, чем-то похожих на Эйфелеву - они были такими же вытянуто-стрельчатыми, но точно бы сотканными из бетона и песка, несколько сот лет подряд вместе с жителями этой проекции ткал он сети взаимодействий, сети взаимовлияний, суть коих не смог бы постичь и величайший мудрец мира нашего. Не была доступна эта Суть ни Лао Цзы, ни Гаутаме, ни Бодхидхарме, ни просветлённым ламам - никому. Каждый из них способен был созерцать лишь части общей картины, её примерные смыслы, заставляя себя блуждать.

Сэр потратил сотни лет на то, чтобы постичь, и он постиг свою задачу. Крылья мира, откуда он пророс, удерживали его узами, словно корнями - то были узы мира людей, и тогда Сэр обнаружил, что обязан вернуться, дабы навести шороху. Но этот шорох, этот тихий шелест листьев Сущего, листьев всего существующего Бытия, должен был вернуть равновесие, утерянное тысячи лет назад силою мысли человеческой. И тогда Улыбатор снизошёл, точно бы в командировку, хотя, на самом деле, всё обстояло совершенно иначе. Но, упрощённо говоря - да, его возвращение, его второе пришествие в мир людей был неким подобием командировки для решения дел насущных.

Пройдя через тернии к звёздам и хорошенько всё обдумав, взвесив все «за» и «против», принял он верное и единственное решение, имеющее смысл в последствиях - это решение вернуться на Землю, чтобы затем вернуться вновь к тем высокопарным башням, к тем уходящим в проникновенные небеса постройкам, к которым он успел уже стать столь привязан, но тяготы нашего мира - его родного мира - не позволяли Сэру обрести целостность. Тогда он обязался оторвать некую часть себя, дабы, наконец-то, стать именно тем, кем он и является навеки.

Исконное имя его - Интеграль. Впрочем, каждый встречный предпочитал называть его всё же Сэр Улыбатор, ибо совершенно невозможно было отлепить от лица ту улыбку, которую он преподносил всем и каждому. Он даровал людям смех, но не тот низкий, приземлённо-ягодный смех, какой вечно внушают выходки цирковых клоунов. Нет, он дарил хохот или даже Хохот с большой буквы, громом разносящийся в небесах и способный звучать там вечно.

Предтечами Интегралья, его вестниками были трое. Белый ворон Эдгар, огромная несгораемая и неопалимая птица, сотканная из асбестовых нитей Земли, словно клубок, словно кошачий клубок. Вторым компонентом Эдгара явилась звёздная пыль из тех краёв небесной синевы, откуда снизошёл Интеграль. Выражая стихию воздуха, ворон, разматываясь на линии, показывал людям картины, разверзавшиеся в многомерном пространстве слоями Вселенных, лишённых всякого предела, конца и края. Эдгар породил мир, он ткал пространство, спутывая паутины астрала и смахивая их межзвёздной пылью в маленькие катышки, в микроскопических мышат астральных областей и царств. Всё, что волен был наблюдать человек, оказывалось творением этого высшего духа воздуха, всё созидалось этим несгораемым белым вороном, ибо не было под ним основы иной, кроме взраставшей корнями к самому центру Бытия. Лучи, стремительно исходящие из каркающих глаз Эдгара, тянулись переплетающимися лазерными нитями к источнику мироздания, созидавая и выражая всё зримое, осязаемое и постигаемое.

Вторым Предтечей Интегралья, вторым Предтечей Сэра Улыбатора была улиточка по имени Снэйли - оборотень и лесной гермафродит: полуундина-полугнарл, высший дух водной стихии. Когда он был собой, то звался Габриэлис, он был велик и величав, он был безграничен. Если же Габриэлис упаковывался, скручиваясь, то превращался в компактную улитку-оборотня Снэйли. Моря и океаны, межзвёздные пучины, которые готовы были стать, да так и не стали изборождены земными космическими кораблями ещё с середины двадцатого столетия - полуундина-полугнарл не вёвал все эти сны людям, надевая им сны ночью на глаза, точно очки виртуальной реальности. Снэйли же - улиточка - не умела ничего, вот ровнёхонько ничего, кроме как, будучи оборотнем, превращаться в Габриэлис, да ещё щекотать всех подряд изнутри. В остальное же время она могла лишь похрустывать своею капусткой морскою или морковкой какою,

лѣжа в полудремотном положении кверху брюшком в котомке, что вечно таскал за широкой непроходимой стеною жилистой спины своей её хозяйин Интеграль, её хозяйин Сэр Улыбатор.

Птицы, низшие духи воздуха, вели нескончаемые беседы с Габриэлис, они шептали ему чудные словеса, со всех уголков Земли птицы шпионили за каждым из нас - и обо всѣм и обо всех ведал всезнающий разведчик, дух воздуха, лесной гермафродит, ибо воздух затрагивал всякую живую тварь, обитающую здесь, на этой планете, на этой крохотной песчинке, на этом микроскопическом камешке, несомом в космические пучины и вечно летящем в неостановимом движении звѣздных систем и галактических вращений, точно бы размешиваемых миксером Глубокой Реальности.

Третьим Предтечей Интегралья был дух огня, его пламенный Рыжий Лай, верный пѣс-поводырь, чьѣ тело являло собою оживший костѣр из филигранных светочей газовых зажигалок. Вместо глаз у Рыжего Лая водились два жука: огромные селенитово-переливчатые, сине-зелѣные, как водоросли, бронзовки. Эти бронзовки традиционно работали в двоичном режиме: они могли или дремать или бодрствовать. Когда бронзовки дремали, то и зрение Интегралья вовек было погружено в сон. Когда они бодрствовали, то он *видел*. Жуки открывали свои крылья, жуки разверзали закрылки и начинали пронзительно и звонко трепетать напрямик достигая того поглощающего центра, к которому летят все галактики, ибо глаза Рыжего Лая, пса, сотканного из тончайших язычков узкого пламени, дотягивались до самого центра Вселенной.

Пѣс показывал, точно рентгеном просвеченные, *сути* всех вещей, и тогда Интеграль постигал эти *сути*. Они были его пищей и его жемчужной коллекцией. Но Сэр мерцал. Стоило Рыжему Лаю уронить свой взор на поверхности всех времѣн, как те тотчас же входили во всеобщий резонанс, центростремительный резонанс, стекавший в то единое и безраздельное, что было у каждого из нас, в то единое и целое, откуда всё исходило и куда всё, в итоге, возвращалось: в Вечность, лепившую пластилиновые жизни людей, зверей, растений, насекомых и ещё невесть каких существ. Рыжий Лай - чистый алый ум, в самом центре своём пылавший нестерпимым жаром мудрости, будто красный Амиитаба, и он вѣл за собою весь отряд. Огненный пѣс и являлся тем комодом, куда Сэр Улыбатор складывал собственные сокровища познания, его мерцавшие камни. Во всѣм Интеграль был прекрасен в мере даже большей, чем

несравненный Аврелий Плешня, величайший и глубочайший как из мыслителей всех времён и народов, так и философов современности!

В первый же день, когда на Землю вновь явился Сэр Улыбатор, планета расцвела дыханием голубых лотосов и восторженно заиграла печальными лепестками снегопадов сакур поразительной, сливочно-кремовой красоты. И не было Сэру предела на нашей планете, и не было под ним опоры, ибо вечно он реял в невесомости, проваливаясь или же возрастая, воспаряя в бездну под собою и над собою в единое же время. Дивен был Интеграль. Он охватил земной шар по кольцу олимпийским мгновением, тем посвистом-повизгом спускаемого воздуха. Атмосферы были в его власти, облака, земли, горы, а моря, океаны и озёра были лишь поэтической кружкою, из которых Сэр пил свой квас осознания, пьянящий цветок разума, снискавший плод, этот вечный плод восприятия, надёжно отделивший Улыбатора от мира тысячелетия тому назад.

О, да! Первый день на Земле его был незабвен. Интеграль вернулся, дабы ведать, а ведать было его предназначением, ибо был он - ведун, высший среди всех, перетекавший из проекции в проекцию и вновь возвращавшийся в бесконечность начала истоков себя. Сэр был истоком всех Предтеч верховных перемен. Он был *сам разум* или *отсутствие разума*: в той точке, когда между разумом и его отсутствием переставали существовать различия, появлялось то, что их извечно объединяло - Интеграль, интегратор миров. Снизойдя, в первый же день Сэр Улыбатор пришёл к Чиновнику Ведомств. Цель Чиновника Ведомств была говорить людям, но так, чтобы люди верили, будто бы поля их благодатны и раздольны, реки полны молока и киселя, а яблони в цвету, хотя вокруг давно-давно уж остались лишь остовы - иссохшиеся деревья, корягами-гнилушками торчащие из противоестественных умов тех людей, кто уснул сразу же после рождения, а уснув, так и не приходил в сознание всю жизнь, почив после вечным сном. Исток и первопричина всех смертей всегда остаются в рождении.

Чиновник Ведомств громогласным движением собственных век закрывал веки мёртвым народам, а звали его Мор Фей. Он был котом. И вот здесь-то прорвался весь задор, весь внутренний стимул, вся ярость Предтечи - Рыжего Лая с жуками вместо глаз. Он готов был растерзать кота Мор Фея в клочья, дабы все обманутые, дабы все усыпленные вновь разверзли очи. И тогда - понеслось! Среди всех тех неисчислимых сотен, тысяч, сотен тысяч, миллионов и миллиардов

коленопреклонённых граждан Земли, каждого, кого лишь чуть-чуть касался Сэр Улыбатор, ждало пробуждение от ежедневного сна бодрствования. Оковы кота Мор Фея, этого усатого хитреца, этого полосатого подлеца, спадали ниц с озарённых лиц.

Стоило лишь дотронуться до них - и ясные очи разверзались навстречу бурям галактических пучин, а ураганы уносимой Вечности пронзали их насквозь там, где улыбка механической печатью навсегда застывала на человеческих лицах. Люди смеялись, но смех их был неслышим, их оглушительный хохот - именно тот самый хохот, что нёс с собою Интеграль, та сокровищница *знания* объединяла людей в клан *тех, кто ведал*, в клан таких же ведунов, как и сам Сэр. Но прочие - люди, которых он ещё не успел коснуться - не замечали вовсе улыбок, они хмурили брови, они морщились, а иногда уворачивались от касаний его, ибо резкая боль от тяжких оков, от колючих, ледяных, кровавых оков, заброшенных на людей котом Мор Феем, была столь нестерпима, что о ней все предпочли позабыть, потеряв сознание и неизменно начиная ненавидеть каждого, кто осмеливался туманно намекать или же прямо указывать пальцем на страдания в потёмках обморочных узниц их жизненной дрёмы.

Хохот ведунов был громче реактивных двигателей взлетающих ракет, ракет, стремительно и целеустремлённо взмывающих в бездны звёздных морей, но люди копошились, защищая свои темницы, ибо это было делом их жизней, и оказывались глухи, ибо непрерывно разговаривали с самими собой о защите личных острогов и рудников, заглушая мелодичные трели, омывающие и обкатывающие их всю жизнь подобно тому, как волны тёплых морей, в ритмичном цикле облизывающие солёный берег, постоянно обтачивают и гладко полируют известково-пористые виноградины береговой гальки.

Свет белого колодца выглядел запредельным, он озарял всё насквозь, но люди по-прежнему были слепы и блуждали в своих сумрачных болотах. И самая явная вещь во Вселенной, висящая прямо перед ними, по-прежнему оставалась незамеченной, ибо не позволяли люди ей стать достоянием собственного опыта, опасаясь развеять зыбкие миражи толкований, изменчивые очертания сомнамбулической облаков на лазури их внутренних глаз. Среди дыма и тумана увлечены люди игрой в царей и рабов, трудяг и купцов, угнетателей и угнетённых, победителей и побеждённых, забыв, что единственное призвание их рек - пребывать в рабстве иллюзий, и нет им никому судьбы иной, пока им неведомы берега. Принц ты иль

бродяга - какая разница, пока ты - не более, чем бесчувственное облако пара на семи ветрах, уносимое в безвестность циклонами, лишёнными мер и точек отсчёта и одинаково бушующими как рядом, так и в самых дальних таинственных уголках нашего волшебного и непостижимого мироздания?

Давление объятий Интегралля, его восхитительных бархатно-ворсистых шерстисто-волосяных объятий накатывалось превыше той океанской бури, что, подобно хрупким скорлупкам, хлопала в лепёшки глубоководные батискафы, как изящные орехи, но люди думали, будто парят, хотя парение их становилось подобно падению в геенну огненную. Улыбнувшись, учуяли в исконном центре своём щекотку хохота Интегралля, эту щекотку, прокатывающуюся по всему телу: от макушки до самых пят и от солнечного сплетения до самых кончиков пальцев. Они жаждали этой щекотки, ибо щекотка была их личным способом *знать*. Блуждавшие же без чувств уподоблялись ситу: сколько бы в них, дремотных, ни вкладывалось это *знание щекотки*, единственное, на что они оказывались способны в своём всепоглощающем беспамятстве - это всегда забывать: забывать то, что было всегда и во всём с ними, забывать то, что было всегда и всецело ими самими. Забывать - было их вторым именем.

Не было слов, чтобы описать созерцаемое Интеграллем. Очи его являлись очами всех сущностей Сущего, а Предтечи были ушами его. Когда, однажды, самыми тайными тропами Сэр Улыбатор проник в военную часть, и солдаты, не в силах более терпеть ту щекотку, ту весёлую пяточную щекотку, великодушно дарованную им улиточкой Снэйли, разобрали все свои бестолковые автоматы и уж не стали собирать, а закопали в лесу - по одному автомату под каждое дерево или куст, развинченному по усталым болтикам, покрытым резьбою из оксида войны. А затем все солдаты залезли в кроны деревьев и, смеясь, начали неустанно указывать пальцами на всё подряд, что их окружало в опустевшей военной части. Им было забавно: они тоже прониклись хохотом. И не стало больше сил на целой планете, чтобы сдерживать неостановимый натиск Предтеч Интегралля.

Тогда захватил он все мировые радиостанции и воскликнул на всех без исключения волнах радиовещания: **«Люди! Вы все равны и едины с миром тварным! От мельчайшей мошкары и до крылатых существ Света нет меж вами различий, все по единой линейке выстроены, и у каждого - свои обустроенности естеств. Всё, что выдумали, тому следовать вольны иль вольны не**

следовать: никому оттого не убудет, но и не прибудет тако же. Всё, от чего отпираетесь и всё, на что опираетесь, с последним выдохом Земли наличествовать перестанет. Вы растянули существование в этом прыжке в бездну. Ничему вечным не быть, но и ничто забыто быть не может, ибо то Сущее, что есть - итог усилий ваших общих, собранный в сок времени здесь и сейчас. Созданное - не навсегда. А здесь и сейчас - это всё, что есть. Ваши жизни, истинно вам говорю - и есть всё то, что имеете. Прочее же - выдумки и условности.

О, верховодящие народами и владеющие миллиардами, пребывающие в постоянной суеде своей! Неразличимы вы от нищих, ибо не владеете ничем высоким. И то, что у вас есть, и то, что есть вы - суть не большее, а часто - и вовсе меньшее, нежели принадлежит тем людям, у кого, как вам только мнится, нет ничего. Истинные сокровища всегда сокрыты от большинства. Постигнутое - вот настоящая сокровищница, а то, что постижимо - вот золотая жила. Богаты не те, кто владеют вещами, но те, кто ведают чудеса - вот настоящие богачи! Владея всем, уйдёте пустыми, и уход ваш будет жалок. Но каждый, кто обрёл действительно сокровенное, тот, кто подобрал ключи к сиянию кладов, вне форм, имён и времён лежащих, навсегда останется полновластным хозяином обретённого.

Клад сей незрим для глаза, но яснее яви, он легче воздуха, но несокрушимее корунда, тише поступи секунд, но оглушительнее высокогорной лавины, касание его нежнее пылинки, но способно сокрушить случайных скитальцев, нет места, где бы его не было, но год бреди по долинам - и не дойдёшь, год плыви по морям - и не доплывёшь, год лети по воздуху - и всё же не настигнешь его. Человек, обретший клад изнутри, ведает разгадку тайны всех тайн, хранит её своим существованием, но на вопрос не ответит. То, о чём возможно вопрошать, имеет известную цену. То, о чем вопрошать невозможно, *бесценно*. Низжайше склоняется оно пред всеми стихиями, ибо едино с ними, а потому не может быть разрушено. Податливое и изменчивое - вот то, что пеленает мир. Твёрдое и однозначное может быть сломлено, как хворостинка, вехами событий или ветрами времён. Гибкое обретает вид *Вечно*, ибо нет силы, способной победить бесформенное.

Наполненное присутствие будет исчерпано. Пустое отсутствие всегда неисчерпаемо, и потому его не победить, не

исказить и не подчинить. Золотая казна оскудеет, драгоценные камни растрескаются или будут украдены, но ветры и дожди не иссякнут, в лесах вновь будет водиться дичь, а в реках - рыба, смена времён года извечна. Владеющий - потеряет, и потому несвободен. Свободный - не владеет, и потому весь мир - богатство его, вот отчего он столь бережен и кроток в касаниях к миру, столь лёгок и незаметен. Подобно дуновению, ни найти его, ни схватить. Пойман может быть лишь тот, кто ловит себя на удило привязанностей - достаточно знать, где и как он привязал себя к мирозданию. Тот, для кого равны и ценны все элементы природы, сам равен природе. Стихии сокрывают его, не возвышая и не принижая владеет он всем. Неотъемлемое не способно быть потеряно или утрачено. Золото не нужно тому, чьё имя лишено предела. Как стать *Владыкой*? Быть равным всему.

Монументальное будет сокрушено, ибо судьба любой формы в исчезновении. Кажущееся незыблемым - изменчиво. Кажущееся изменчивым - незыблемо. Высшая мудрость - гармония. Кто соответствует ей, тот не знает себя, ибо всегда различен, и чрез это постигает себя истинного. Каждый, кто мыслит, словно бы знает себя, тот исконно не ведает, кто он, ибо знание его - лишь мгновение памяти о себе прошедшем, которого уже нет. Воистину вам говорю, люди: в эту секунду, пока я произношу речь, вы не знакомы с собой. Начертанное обретает смысл, позабыв, что сущность его - бумага и чернила. Так и вы - символы и смыслы, позабывшие в себе людей.

Настоящее сокровище - не иссякает. Всё, что способно иссякнуть - не настоящее. Ваши жизни иссякают, ибо они - не настоящие ваши жизни. Безграничное - не покидает, сиюминутное - всегда вас обманет. Глубинное и Высокое видятся равными Равнинному и Нижайшему, когда на смену Мудрствованию приходит Мудрость. Вы, живущие в нелепой лжи беспочвенных идей и зовущие ложь сладчайшим мёдом порядка, оглянитесь: что у вас за спиной? Где ли ваша обитель? Иль она - сон у края бездны? Прыгайте же туда, где нечто без объяснений оставлено не для вас и без вас, и лишь тогда - *будете*. Скованные навеки, вы - калеки страха - думаете, вы только думаете, будто существуете. На деле же вас нет, пока бездонность не есть суть и сердцевина ваша. Внемлите же галактическому хохоту, внемлите щекотке вибраций, внемлите шёпоту - и он тогда поведает он, что

Бытия не миновать, ибо Небытие - такая же фальшь, как и всё, что выдуманно вами. Сущее не оправдывается. Оно просто есть.

Как может существовать нечто, чего нет? Ведь Небытие есть то, чего нет, а раз его нет, значит, оно существовать и не может. Во всепоглощающем единстве Бытия Небытию и крохи места не сыскать. Оставьте себе себя лишь и перестаньте *им* быть - лишь тогда вы сполна постигните, что это значит вообще - *быть*. Пока вы не отринули навязчивые дни, пока не отринули спутанные паутины соглашений, споров и сомнений - они всё, чем, кажется, владеете, и они заменяют вас самих. Но вы - не есть они. Кто же вы? Если распутать сонные оковы, навеваемые котом Мор Феем, то что останется от вас, люди?

Смотрите вовнутрь и тогда узрите: воистину, внутри вы пусты, ибо сердцевина каждого - само Сущее, что вокруг себя извечно созерцать изволите. Когда постигните сию истину, также узнаете, что сути вашей - нет. Когда же постигните полностью, что значит - *быть*, то вас *уже не будет*, ибо полностью *быть* есть суть *не быть* вами. Лица человеческие - маски, что, как планеты, парят в вечно изменчивой невесомости. Вы - призраки сна, и сон - это всё, что воспринимаете постоянно, о чём заботитесь, переживаете и вспоминаете. С лет ранних иное неведомым оставляете. Оставьте же лучше себе ядро, пустое ядро, способное лишь к бесконечному созерцанию и бесконечному изменению, внемлите мириадам форм, вьющимся в вашем духе, которым беспрестанно касаетесь сил вездесущих, жизнями действуя на Земле - и тогда, истинно вам говорю, только тогда вы - *будете*.

Люди есть клубки, распутав которые не увидишь ничего, и именно поэтому существование людское конечно, только поэтому. Перестаньте быть *ими*. Лучше растите в своём центре ядро - то ядро, что ведаёт. Прочее - лишь шелест. Вам - *быть*, ваш путь - *быть*, ваше предназначение - *быть*, но вы выбрали становиться шелестами шелухи, превращаясь в пустые фантики. Когда разбивается ёлочная игрушка, её сгребают веником в совочек - и *что* остаётся? Лишь место для новой ёлочной игрушки.

Люди! Воистину, вы - вишни без косточек, сокровищницы без сокровищ, волшебные лампы без джиннов. Так будьте же просто джиннами, и тогда никакие лампы уже не понадобятся, ибо *ведает* те, кто есть потоки сущностей, а вовсе не клетки, клетки без птиц, улетевших на юг, дабы сгореть мотыльками в

жарких печах солнечной сердцевины всего. Растите, растите и ещё раз растите свои косточки, и, возможно, вы успеете взрастить их прежде, чем перестанете существовать. Если всё же успеете, если всё же сумеете, то имя ваше будет - *Вечность*. Вы пришли в этот свет, дабы стать *Вечностью* - так будьте же ею!»

Никто не слушал Интегратья: все шли под его ногами, все расходились волнами Истока, все вращались муравейниками колец и кругов на полях заметок Реальности. И тогда Интегратель, и тогда Сэр Улыбатор, прежде чем, взмахнув крыльями Удачи, навсегда уже вернуться в выбранный мир, коснулся дланью своею лица моего - и липко расцвела тогда улыбка его щекотки, улыбка его ведовского хохота на устах моих, а неустанное пламя вечного смеха Интегратья обуяло естество моё, до краёв наполнив чашу сию прозрачностью.

И с тех давних пор, подобно ему, тишайшему, я неустанно всё смеюсь, смеюсь и смеюсь. Да только хохота моего никто не слышит. *Почти никто*. Но это и не важно. *Вообще*. Ха-Ха-Ха! Ха. Ха. Ха. Ха.

*Белоусов Роман,
06 июня 2016 года*